

ПЛАТОНОВА Оксана Александровна

**И.С. Шмелев и А.П. Чехов:
творческий диалог**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тверь 2008

**Работа выполнена на кафедре
филологических основ издательского дела и документоведения
ГОУ ВПО «Тверской государственный университет».**

Научный руководитель

доктор филологических наук, профессор

Светлана Юрьевна Николаева

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук

Наталья Даниловна Блудилина

кандидат филологических наук, доцент

Сергей Николаевич Кирьянов

Ведущая организация

Московский государственный областной университет

Защита состоится 26 июня 2008 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.263.06 в Тверском государственном университете по адресу: 170002, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 70, корп. 4, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Научной библиотеки Тверского государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Володарского, д. 44а.

Автореферат разослан 21 мая 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор

С.Ю. Николаева

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000467792

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творчество Ивана Сергеевича Шмелева (1873 – 1950), сочетавшее в себе «золотые» литературные традиции, диалогично по отношению ко всему классическому наследию русской словесности. Однако при всем многообразии литературных связей, соединяющих И.С. Шмелева с литературными предшественниками и современниками, «чеховской» теме в его произведениях отведено особое место. Множество скрытых и явных цитат, ссылок и аллюзий, связанных с творчеством А.П. Чехова, упоминания его имени в публицистике и письмах, а главное, в художественных произведениях И.С. Шмелева свидетельствуют о глубоком осмыслении им личности и таланта А.П. Чехова. Характерная особенность шмелевского восприятия состоит в том, что художественное наследие А.П. Чехова рассматривается с религиозной точки зрения. В свете творческого диалога И.С. Шмелева, «певца Святой Руси» (А.В. Карташев), с внешне бесстрастным художником А.П. Чеховым, скрывавшим свою внутреннюю жизнь «за парадоксальными жестами и высказываниями» (Н.Ю. Грякалова), «загадка» личности и творчества последнего становится еще более актуальной. Используя понятие «диалог», мы опираемся на теорию «диалогичности» слова, разработанную М.М. Бахтиным, а также на положения ученого о «жизни» текста: «Текст живет только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу»¹.

Отдельные аспекты влияния чеховской манеры письма на художественный уклад прозы И.С. Шмелева рассматривались А.П. Черниковым, М.М. Дунаевым, которые отметили, что писателей объединяет «внимание к изображению жизни провинциальной России, к теме гибели старой дворянской усадьбы», к теме «интеллигенции, не знающей подлинных путей к народу»; творческая общность двух великих художников слова обнаруживается в широком использовании «подводного течения», внешнего и внутреннего сюжетов, бытовой, психологической, пейзажной детали, реалистической символики. А.П. Черников обратил внимание на такую характерную черту, как стремление обоих писателей к изображению «обыденной жизни обыкновенных людей», которое обусловило такую стилевую особенность их произ-

¹ Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Человек: образ и сущность. – Вып. 4. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – С. 221.

ведений, как «ослабленная сюжетность»². Анализируя произведения И.С. Шмелева 1910-х годов, М.М. Дунаев пришел к выводу о том, что писатель постигал «именно чеховские приемы» в использовании подтекста и художественной детали, которая у него берет на себя роль «авторского комментария»³.

В настоящее время остаются весьма немногочисленными научные публикации, сосредоточивающие внимание на том, что творчество Шмелева, младшего современника Чехова, связано многими нитями с чеховскими произведениями. Среди них работа И.М. Богоявленской, в которой на уровне проблематики творчества (но не на уровне поэтических принципов) рассматривается такая линия литературной преемственности, как Пушкин – Чехов – Шмелев, и намечены пути дальнейшего изучения самобытного шмелевского диалога с классиками, благодаря которому «можно взглянуть» на их произведения «сквозь призму исторических перемен XX века»⁴. Рассматривая феномен восприятия И.С. Шмелевым «творчества и личности Чехова», Е.А. Куликова исследовала отсылки «и к чеховским персонажам, с их гипертрофированной интеллигентностью, и к самому Чехову», отметив, что «чеховские мотивы» занимают одно из центральных мест в шмелевских произведениях, формируя «сложный семантико-поэтический комплекс». На «некоторую типологическую близость двух писателей» указывают, по мнению исследователя, комплексы «повторяющихся мотивов в прозе Шмелева» и «такая же «лейтмотивность» и даже декоративность прозы» – у Чехова; символическое звучание чеховских аллюзий, используемых Шмелевым «для раскрытия темы любви, одновременно Родины, России»⁵, и ряд других аспектов. Однако опыта целостного рассмотрения творчества И.С. Шмелева с точки зрения функционирования в нем чеховских традиций, опыта изучения места и значения А.П. Чехова в творческом сознании писателя в настоящее время не существует, недостаточно освещенными остаются важные стороны писательской личности одного и другого автора, а также возможные пути изучения их творческого наследия. Этим определяется актуальность принятого диссертационного исследования.

² Черников А.П. И.С. Шмелев и русская классика // Художественный текст и культура: Матер. Междун. науч. конф. – Владимир: ВГПУ, 2004. – С. 10-16.

³ Дунаев М.М. Православие и русская литература: В 6-ти частях. – Ч. V. – М.: Христианская литература, 2003. – С. 663-664.

⁴ Богоявленская И.М. Пушкин – Чехов – Шмелев // От Пушкина до Чехова. – Симферополь: Таврия Плюс, 2001. – С. 145-157.

⁵ Куликова Е. «Light in the Darkness»: Чехов глазами И.С. Шмелева // Молодые исследователи Чехова: Матер. междун. науч. конф. – М.: МГУ, 2001. – С. 417-426.

Взгляд И.С. Шмелева на «художественно-религиозное» литературное «служение» А.П. Чехова, как и собственно творческие связи с А.П. Чеховым, остаются практически неизученными. Несмотря на то, что в последние два десятилетия ведутся активные исследования поэтики и проблематики прозы И.С. Шмелева⁶, вопрос о типологической близости и преемственных связях с чеховским творчеством, о диалогическом характере «обращений» к А.П. Чехову не был сформулирован и не стал предметом внимания исследователей. Непосредственно проблема диалога с А.П. Чеховым в творчестве И.С. Шмелева до сих пор не становилась предметом специального исследования, тем более не возникал вопрос о религиозно-творческом характере этого диалога. Поэтому **научная новизна** нашей работы состоит в том, что впервые **предметом** исследования становится творческий диалог И.С. Шмелева с художественным наследием А.П. Чехова; анализируются религиозно-философские и литературно-критические аспекты концепции творчества А.П. Чехова в публицистическом и эпистолярном наследии И.С. Шмелева; осуществляется попытка сравнительно-типологического анализа некоторых произведений двух авторов на основании близости их православно-христианской проблематики и поэтики, с преимущественным вниманием к наличию образно-тематических, сюжетных, мотивных перекличек и параллелей, имеющих религиозную семантику.

Материалом научного исследования стало, с одной стороны, творческое наследие И.С. Шмелева в целом. С другой стороны, исходя из отбора чеховских произведений И.С. Шмелевым-издателем, был определен для рассмотрения круг произведений А.П. Чехова, ярче других, по мнению писателя, выражающих чеховское художественное мировоззрение. Ими стали избранные самим И.С. Шмелевым и вошедшие в немецкое издание (вышедшее в Цюрихе в 1946 году) повести «Скучная история» (1889), «Степь» (1889), «В овраге» (1900), рассказы «Святою ночью» (1886), «Свирель» (1887), «Студент» (1894), «Дом с мезонином» (1896), «Дама с собачкой» (1899). Упомянутые и анализируются также некоторые другие произведения А.П. Чехова, не вошедшие в шмелевское издание, но близкие ему по тематике: «Агафья» (1886), «Огни» (1888), «Дуэль» (1891) «Мужики» (1897), «По делам службы» (1899) и другие. В качестве литературно-биографического материала привлекается чеховский рассказ «Мальчишки» (1887).

---

⁶ Черников А.П. Проза И.С. Шмелева: Концепция мира и человека. – Калуга, 1995: Осьминина Е.А. Две статьи И.С. Шмелева о А.П. Чехове // Русская речь. – 2002. – № 1. – С: 47-50, Руднева Е.Г. Диалог традиций в повести И.С. Шмелева «Неупиваемая чаша». – М., 2007 и др

Цель работы заключается в выявлении особенностей восприятия И.С. Шмелевым личности и творчества А.П. Чехова. Данная цель может быть достигнута при условии решения ряда задач:

- 1) определить своеобразие отношения И.С. Шмелева к А.П. Чехову; выделить главные причины возобновляемости «чеховской темы» в шмелевских текстах и основные аспекты ее функционирования;
- 2) выявить и прокомментировать религиозно-значимые критерии оценки художественного творчества, предлагаемые И.С. Шмелевым для более глубокого и адекватного осмысления творчества А.П. Чехова;
- 3) выявить специфику творческого диалога И.С. Шмелева с А.П. Чеховым (его «художественно-религиозную» доминанту) путем изучения проблематики художественных произведений двух авторов;
- 4) осуществить сравнительно-сопоставительный анализ образной системы и поэтических принципов И.С. Шмелева и А.П. Чехова, направленных на художественное изображение религиозных основ бытия и сознания; обосновать органичную ориентацию «образа автора» в творчестве А.П. Чехова – каким его воспринимал И.С. Шмелев – на воссоздание религиозной «нормы» христианского менталитета.

Теоретико-методологическая база диссертации обладает многоуровневой структурой. Целью и задачами работы обусловлено комплексное использование разработанных литературоведением методов исследования: историко-функционального, биографического, сравнительно-типологического. Для решения поставленных задач в качестве теоретической опоры привлечены религиозно-философские сочинения С.Н. Булгакова, В.В. Зеньковского, И.А. Ильина, митрополита Вениамина (в миру И.А. Федченкова); труды литературоведов, разрабатывавших проблемы традиций, диалогизма, «литературности» литературы: А.Н. Веселовского, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, А.С. Бушмина, В.Е. Хализева; выполненные в русле обширной темы «Христианство и русская литература» работы М.М. Дунаева, И.А. Есаулова, Л.В. Жаравиной, В.В. Лепяхина, А.М. Любомудрова, В.А. Редькина, А.С. Собенникова; статьи и монографии чеховедов М.П. Громова, Н.Ю. Грякаловой, В.Б. Катаева, В.Я. Линкова, С.Ю. Николаевой, З.С. Паперного, И.Н. Сухих, А.П. Чудакова; работы о творчестве И.С. Шмелева критиков и литературоведов русского Зарубежья: А.В. Амфитеатрова, А.В. Карташева, Ю.А. Кутыриной, О.Н. Сорокиной, а также отечественных ученых: Л.Н. Дарьяловой, Л.А. Макаровой, Е.А. Осьмининной, Л.М. Солнцевой, Л.Ю. Суровой, Т. А. Таяновой, А.П. Черникова и других.

На защиту выносятся следующие основные положения диссертации:

1. Концепция личности и творчества А.П. Чехова, сформулированная И.С. Шмелевым в его статьях, носит характер аксиологического и подчас онтологического «комментария», выявляет духовную основу художественного мировоззрения А.П. Чехова, имеет самостоятельную художественную и научную ценность.

2. Обнаруживаемые в художественных текстах И.С. Шмелева множественные параллели с творчеством А.П. Чехова свидетельствуют об особенном отношении к А.П. Чехову – художнику и человеку – и позволяют вести речь о творческом диалоге в наследии двух писателей, требующем изучения.

3. Определяющим фактором диалога И.С. Шмелева с А.П. Чеховым является духовная доминанта чеховского творчества. Художественное отражение религиозной реальности бытия, глубокая связь с древнерусской литературой и культурой (С.Ю. Николаева), «буквой» и «духом» Священного Писания создает религиозный «диалогизирующий фон» (М.М. Бахтин), который необходимо учитывать при восприятии произведений А.П. Чехова и И.С. Шмелева.

4. Диалогическая связь текстов двух писателей проявляется в использовании ими родственных поэтических принципов при воссоздании бытия и сознания человека, картины мира, в частности в обрисовке пейзажа, неотделимого от душевно-духовного переживания героя.

5. В прозе И.С. Шмелева, развивающей художественные традиции А.П. Чехова, имеет место своеобразный литературный «комментарий» к его известным произведениям, составляющим предмет диалога, что позволяет говорить о наличии особого рода преемственных связей между писателями. В этом «комментарии» первоисточник (прецедентный текст) не воссоздается в тождественной форме, но подвергается переакцентуации, интерпретированию, развитию. По мнению И.С. Шмелева, адекватное восприятие творчества А.П. Чехова в целом невозможно без учета религиозно-значимых элементов содержания его произведений.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты определяют важнейшие параметры концептуальной «модели мира», создаваемой в произведениях И.С. Шмелева как ученика и последователя А.П. Чехова; углубляют представление об особенностях проблематики и поэтики творчества двух писателей.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования ее результатов для дальнейшего углубленного исследования

творчества И.С. Шмелева и А.П. Чехова. Сделанные наблюдения и выводы могут быть использованы в вузовских курсах по истории русской литературы XIX – XX веков и литературы Русского Зарубежья, при организации спецкурсов и спецсеминаров, а также в школьной практике преподавания литературы.

Апробация диссертации. Основные положения работы изложены в десяти публикациях и были представлены в форме докладов на общероссийских и международных научно-практических конференциях: «Проблемы национального самосознания в русской литературе XX века» (2005, Тверь), «Межкультурная коммуникация в современном славянском мире» (2005, Тверь), «Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах» (2006, Волгоград), «Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов» (2007, Волгоград), «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (2007, Тольятти), «Духовные начала русского искусства» (2007, Великий Новгород), «Детская литература и воспитание» (2007, Тверь); «Поэзия русской жизни в творчестве И.С. Шмелева» (2007, Москва).

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 253 наименования. Общий объем диссертации 213 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** к диссертации рассматривается история вопроса и основные проблемы, связанные с его изучением, обосновываются актуальность темы, научная новизна работы и ее методологические основы, формулируются цели и задачи исследования.

В **первой главе «А.П. Чехов в творческом сознании И.С. Шмелева»** предпринимается попытка рассмотреть представление И.С. Шмелева о А.П. Чехове как о человеке, мыслителе и художнике на основе мемуарных и эпистолярных свидетельств (писем, высказываний, статей), с привлечением некоторых художественно-публицистических текстов И.С. Шмелева.

В § 1 «**Портрет А.П. Чехова в мемуарах И.С.Шмелева**» рассматриваются обстоятельства детского знакомства писателя с А.П. Чеховым, отраженные в очерках «Как я встречался с Чеховым» (1934). Это первое печатное произведение И.С. Шмелева о А.П. Чехове, помимо несомненных художественных достоинств, включает в себе источник важной информации биографического характера. Эта информация касается не только героя и участника

событий Ивана Шмелева, но и непосредственно описываемой в ней с фактографической точностью личности Антона Чехова. Обнаруживаемые здесь сведения имеют несомненное историко-литературное значение и позволяют отнести к очеркам как к мемуарным материалам о А.П. Чехове, дополняющим «летопись» жизни и творчества писателя. Интересен составленный в деталях портрет Чехова, каким его увидел и запомнил «маленький гимназист» Ваня Шмелев. Схваченные им характерные «черточки» в облике писателя не только совпадают с описаниями его внешности в воспоминаниях других современников, но и существенно корректируют их: «высокий, голенастый», с «приятным таким баском», «совсем молодой, усики только, лицо простое» (очерк «За карасями»), «высокий молодой человек с открытым лицом, в пенсне», с ласковой «усмешливой улыбкой», «волосы были не ежом, а волнисто зачесаны назад, как у о. дьякона», глядит «с прищуром», «в пальто с барашком, высокий, с усмешливыми глазами за пенсне» (очерк «Книжники... но не фарисеи»). Именно Шмелев в своих воспоминаниях сообщает ценные сведения о круге чтения Чехова, любившего посещать букинистов и приобретать книжные раритеты, в том числе, как запомнилось Шмелеву, старинные жития.

Портрет Чехова, нарисованный Шмелевым, – это портрет красивого, высокого, очень привлекательного человека, внутренне цельного, незаурядного, крупного, значительного, благородного. Шмелевскую характеристику можно воспринимать как полемику с «интеллигентским» портретом Чехова, нарисованным, например, известным художником И. Бразом, подчеркнувшим «разночинность», болезненность, немощь немолодого уже писателя.

В данном разделе работы обращается внимание на меткое определение И.А. Ильина, характеризующее особую «пропитанность» очерков И.С. Шмелева чеховскими мотивами (в письме от 2 октября 1934 года): «С радостью читали мы Ваши воспоминания о Чехове. Свадьба – это целый показ, целый комментарий к творчеству Чехова!»⁷ В параграфе рассматриваются также эпистолярные отзывы И.С. Шмелева об А.П. Чехове из переписки с И.А. Ильиным, публицистические обращения к имени А.П. Чехова, органично встроенные в рамки некоторых художественных текстов И.С. Шмелева, таких как «Солнце мертвых» (1923), «Приволье» (1949).

Многочисленные обращения к образу любимого с детства писателя позволяют сделать вывод, с одной стороны, о глубоком и неослабевающем интересе Шмелева к творческой индивидуальности Чехова, об органичном вхож-

⁷ Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1927-1934). – М.: Русская книга, 2000. – С. 493.

дении чеховского наследия в сознание писателя, с другой – о человеческой симпатии, о глубоком внутреннем расположении Шмелева к Чехову, что способствовало более тонкому и целенаправленному проникновению в художественный мир Чехова.

В § 2 «И.С. Шмелев о «творческой религиозности» А.П. Чехова» рассматриваются основные положения концепции И.С. Шмелева о религиозной настроенности, свойственной мироощущению А.П. Чехова и проявившейся в его литературном «служении». Исключительную духовно-нравственную напряженность – «духовную емкость» его творчества – И.С. Шмелев отстаивал в двух своих статьях: «Творчество А.П. Чехова» (1945) и ««Мисюсь» и «Рыбий глаз»» (1947), продолжая тем самым традицию, начатую С.Н. Булгаковым. Несмотря на то, что в XX веке долгое время господствующим оставалось убеждение исследователей в полной индифферентности А.П. Чехова к вопросам религиозной веры, в работах последнего десятилетия все чаще констатируется необходимость изучения «религиозных корней»⁸ чеховского творчества. Поэтому предлагаемые И.С. Шмелевым религиозные критерии оценки произведений А.П. Чехова – понятие «Правды Жизни», противостоящее «Греху-Злу» в религиозном его значении, проблема единства «ума» и «сердца» в человеческом существе – вновь приобретают актуальность. Характеризуя с религиозной точки зрения достоинства отечественной словесности в целом и творчества Чехова как ее неотъемлемой части, Шмелев использует одни и те же слова-понятия, одинаковые эпитеты, создавая тем самым представление о Чехове как о писателе, достигшем высочайшего уровня художественной культуры – культуры «запечатленной», что означает – устремленной к Горнему, к «вечным глубинам». Основным мотивом в системе доказательств религиозности А.П. Чехова служит мысль о «верности» писателя «художественной правде, черпавшей от народной правды». По мнению И.С. Шмелева, «он не отзывался на «злобу дня сего»; он созерцал глубины жизни, вечные глубины». Подчинение воли художника «велению Божию» признается подлинным его предназначением, «спасением» в искусстве. Здесь, как видится, весьма заметно отразилась увлеченность писателя религиозно-философскими взглядами православного философа И.А. Ильина на художественное творчество. «Искусство есть служение и радость», – писал Ильин, понимая «радость» как «духовное состоя-

⁸ Князевская Т.Б. Религиозные (православные) корни чеховской идеи смирения и терпения // Anton P. Čechov – Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und im Werk. Vorträge des zweiten internationalen Čechov-Symposiums. – Badenweiler, 20-24 Oktober. – 1994. /Herausgegeben von V.B. Kataev, R.-D. Kluge, R. Nohejl. – München, 1997. – С. 455.

ние», которое «сияет Божьими лучами»⁹. «Творческая религиозность» А.П. Чехова, признаком которой является первостепенность «вечного» по отношению к «злобе дня сего», предполагает ориентирование на духовные ценности. В связи с этим важным аспектом в концепции И.С. Шмелева является понимание «народной правды», которое включает в себе отнюдь не прекраснотушные мечтания или доступные человеческому разумению эталоны счастья «через двести-триста лет», а Высшую – конечную «Правду» – Правду Божью. Это понятие родственно тому, что в определениях русских писателей звучит как «высшая идея», «общая идея» (Достоевский, Чехов), называется «Богом живого человека», «Правдой Жизни» (Чехов, Шмелев), – то есть представляет собой категорию «высшего» порядка, которая не может быть осознана и оценена только в земных координатах, вне своего духовного – религиозного – смысла. Как пишет А.С. Собенников, в христианской традиции и «в русском национальном сознании... Правда всегда Божья; в онтологическом смысле Правда и есть Бог»¹⁰. «Питание Вечным Словом слагало характер народа, его правду», – напишет Шмелев в статье о Чехове 1945 г. Обращенность к христианскому Логосу («Вечное Слово») позволяет говорить о глубинной христианской онтологической и аксиологической установке И.С. Шмелева. Именно с этих позиций рассматривает художник ценность и значимость творчества А.П. Чехова. Выполняя у И.С. Шмелева функцию критерия «художественности», понятие «Живой Правды» позволяет выявить «духовный» аспект восприятия его произведений, что еще раз подчеркивает религиозный (а не социальный) характер предлагаемого писателем художественного анализа. Вводимые И.С. Шмелевым термины и положения, которыми он оперирует в статье («емкость духовная», антиномия «ум-сердце», понятие «Зло-Грех» в мире и человеке) осмыслиются им исключительно в религиозном контексте, также играют роль критериев «художественности» при восприятии произведений А.П. Чехова. В результате анализа важнейших аспектов шмелевской концепции делается вывод о том, что творчество А.П. Чехова расценивается И.С. Шмелевым как форма «прикровенного» «религиозного служения» посредством писательского слова.

В § 3 «А.П. Чехов – художник в оценках И.С. Шмелева» прослеживается влияние личности и творчества А.П. Чехова на формирование художественного сознания И.С. Шмелева. К осмыслению «целомудренно-

⁹ Ильин И.А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – С. 53-54.

¹⁰ Собенников А.С. «Правда» и «справедливость» в аксиологии Чехова // Чеховиана: Мелиховские труды и дни. – М.: Наука, 1995. – С. 28.

религиозного» содержания творчества А.П. Чехова И.С. Шмелев шел путем освоения чеховских принципов изображения жизненных явлений в период своего ученичества. По его признанию, выраженному в одном из писем, проза А.П. Чехова принималась им в качестве идеала художественного мастерства, в частности, искусства краткости и искусства пейзажа. «Самый яркий пример, – писал И.С. Шмелев Н.Я. Рошину 15 июля 1925 года, – для меня Евангелие. В нашей литературе – Чехов. Идеалы, конечно»¹¹. Уже изначальная творческая установка Шмелева, проявившаяся в его ранних произведениях, обнаруживает «соответствие» (М.М. Дунаев) чеховскому художественному принципу и позволяет предположить наличие преемственных связей с творчеством А.П. Чехова. Попытка выявления некоторых сторон типологической близости в прозе двух писателей, не исключает (а скорее, предполагает) исследование не только сходства, но и путей расхождения их творческих приемов и самого художественного метода. Как один из примечательных эпизодов творческой биографии И.С. Шмелева рассматривается малоизвестный факт художественного неприятия писателем рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой».

Существенное отличие творческой манеры И.С. Шмелева заключается в способе художественного оформления замысла, основной идеи произведения. Если у А.П. Чехова авторская мысль, как правило, тщательно завуалирована, скрыта (настолько, что в старой русской критике, а подчас и в современном литературоведении высказывалась уверенность, будто ее нет вовсе – «безыдейный» Чехов), то в творчестве И.С. Шмелева – напротив, «сокровенное» автора эксплицировано в тексте, эмоционально окрашено. Кроме того, открытая «духовная» направленность произведений И.С. Шмелева контрастирует с такой характерной чертой чеховской поэтики, как «сокрытость» религиозного переживания. Тем не менее, можно сказать, что внутреннее притяжение к Чехову обусловлено в творчестве И.С. Шмелева общностью для обоих писателей «главного предмета» вдохновения (И.А. Ильин). «Свой в области высокорелигиозных чувствований», А.П. Чехов по-особенному воздействовал на творческое сознание своего преемника – непосредственно как художник, способный утонченно передать поэзию религиозного чувства. Это во многом объясняет то обстоятельство, что Шмелев создает свою художественную картину мира зачастую как бы в продолжение чеховских тем, сюжетных коллизий и образов, давая им новую жизнь и звучание в своих произведениях («Лихорадка» (1915), «Свет Разума» (1926),

¹¹ «Писатель – это тот, кому писать дается всего труднее». Письма И.С. Шмелева к Н.Я. Рошину // Новый мир. – 2002. – № 9. – С. 132.

«Почему так случилось» (1944) и др.). Впервые проведенный сопоставительный анализ шмелевских и чеховских произведений подтверждает, что преемственные связи между писателями обусловлены особым вниманием И.С. Шмелева к литературному мастерству А.П. Чехова, ценимому за «глубинную религиозность». Принципиальной важностью для И.С. Шмелева обладает чеховский «духовный подтекст», прочитываемый в произведениях при особом восприятии – «сердцем», т.е. вследствие непосредственной предрасположенности, внутренней готовности И.С. Шмелева к творческому диалогу с А.П. Чеховым.

Во второй главе «Онтологические проблемы в творчестве А.П. Чехова и И.С. Шмелева» проводится сопоставительный анализ конкретных произведений двух писателей, посвященных проблемам поиска религиозного сознания, а также объединенных «пасхальной» темой.

В § 1 «Проблема «общей идеи»: «Скучная история» А.П. Чехова и «Почему так случилось» И.С. Шмелева» предпринимается попытка рассмотрения повести А.П. Чехова «Скучная история» сквозь призму религиозного сознания И.С. Шмелева, по мнению которого, в этом произведении «особенно полно выражен, хотя и прикровенно», «точный ответ» на вопрос о творческом мировоззрении автора. Сопоставление текста повести и ее творческой истории с отзывами И.С. Шмелева, а также с некоторыми из его произведений («На пенках» (1924), «Почему так случилось» (1944)) обнаруживает преемственные связи с А.П. Чеховым, позволяет провести параллели, выявляющие общие черты художественно-мировоззренческой основы, созвучие образов и мотивов и отдельные моменты типологической близости в прозе двух писателей.

Сложность художественной задачи, стоявшей перед А.П. Чеховым (как сказал сам автор, «Это не повесть, а диссертация»), обусловлена необходимостью преподнесения религиозной в основе своей идеи с позиций безрелигиозного ума, «верующего лишь в науку». В повести отражены особенности эпохи конца XIX века, веяние времени, когда обсуждение необходимости и поиск «общей идеи», «определенного мировоззрения» (Чехов) стали неотъемлемой частью интеллигентского сознания. На наш взгляд, особое значение приобретает в тексте произведения чеховская деталь, мимоходом брошенная фраза, лишь отдаленно намекающая на значительность событий, имеющих место в духовной жизни старого профессора Николая Степановича. Одним из таких «проходных» и внешне незначимых моментов является появление в «Скучной истории» (названной «записками старого человека») образа «беса» в «попутных» наблюдениях героя, что указывает на «определенное» влияние

этой потусторонней силы на профессорский «ум». Не менее важной смысловой нагрузкой наделено возникающее в тексте повести слово «раб», символизирующее в шмелевской трактовке «безволие и рабство духа при самонимении *libre-penseur*'а предельного»¹². В концепции И.С. Шмелева бедственное положение профессора определяется тем, что «он так и не удосужился найти» единственную, «основную идею, руководящую», которая – «одна только – венчает в стройное целое все отрывочное, малое и большое, что было в жизни», а не тем, что перед ним стоит вопрос трудного выбора какой-то «неведомой» «общей идеи» из множества предлагаемых (В.Б. Катаев). «Общая идея, или то, что называется Богом живого человека», которой «нет» у героя А.П. Чехова (однако «есть сознание, что она нужна, что жить без нее невозможно»¹³), воспринимается Шмелевым как духовная реальность, явление высшего порядка, что имеет свой первоисточник в произведениях Достоевского. С позиции Достоевского, трактующего «общую идею» как высшее, Божественное начало, организующее человеческую жизнь, любые возможные «гуманистические» (человеческие) ориентиры воспринимаются как одинаково неприемлемые в качестве претендующих на роль духовных идеалов. Художественным выражением этой точки зрения является рассказ И.С. Шмелева «Почему так случилось», насыщенный чеховскими цитатами и аллюзиями, образными и сюжетными параллелями с повестью А.П. Чехова. На основе сравнительно-сопоставительного анализа названных произведений делается вывод о продолжении Шмелевым чеховской традиции раскрытия проблемы интеллигентского сознания, утрачивающего ощущение живой веры. Усиленное звучание в рассказе Шмелева «Почему так случилось» мотивов повести «Скучная история» Чехова – яркий образец художественного диалога в области темы, проблемы, сюжетной коллизии и образа главного героя.

В § 2 «Проблема религиозного мировоззрения: «Два Ивана» И.С. Шмелева и «Огни» А.П. Чехова» прослеживается одна из наиболее выразительных параллелей в творчестве писателей, связанных с художественным исследованием необходимости и пути обретения человеком цельного мировоззрения. Представляется актуальным выяснение вопроса о том, какую функцию выполняет в рассказе Шмелева скрытая чеховская цитата: «А все-таки впереди... огни!»

¹² Ильин И.А. Переписка двух Иванов (1947-1950). – М.: Русская книга, 2000. -- С. 319. (Письмо И.С. Шмелева от 9 мая 1948 года)

¹³ Громов М.П. Книга о Чехове. – М.: Современник, 1989. – С. 256.

Повесть «Огни» всегда была в центре внимания исследователей-чеховедов. Однако в литературоведении, имеющем светский (внерелигиозный) характер, интерпретация повести сводилась к осмыслению ее сюжета и конфликта на уровне нравственно-философской и социальной проблематики и не касалась вопросов духовной жизни человека. Например, по мнению В.Б. Катаева, «возможность сделать опасный для нравственности вывод и шаткость или иллюзорность мыслимых контрдоводов – этой тревогой продиктован замысел «Огней»»¹⁴. Но восприятие повести остается неполным без учета духовного смысла «влияния» этого выбора на судьбу героя (или целого народа), понять который можно только в религиозном контексте. Прочтение повести в аспекте «духовного реализма» позволяет увидеть, что жизненно определяющим для героев становится выбор не только нравственных, но и духовных ориентиров, играющих роль «маяков-огней» на пути сложных поисков смысла бытия. Сопоставительный анализ двух произведений с этой точки зрения дает возможность заглянуть в глубину их художественного замысла. Идейный конфликт, развивающийся между героями «Огней» А.П. Чехова, изначально имеет религиозный подтекст, без учета которого не может быть до конца уяснен образный строй повести. Например, центральный образ, имеющий значение символа, – образ «железной дороги», – воплощая абсолютизированную идею строительства счастливого будущего, напрямую соотносится с Божественной заповедью о «нетворении себе кумира», способного «поработить» человека. Художественному выражению иллюзорности и ложности выбранных героями «идеалов» подчинена характерная символика обоих произведений. Так, тщетность устремлений и надежд Ивана Степаныча в рассказе И.С. Шмелева символизирует образ «пыли», обыкновенной «пыли», неоднократно использованный А.П. Чеховым в «Огнях»: «Не останется и пыли...», «...эта дорога через две тысячи лет обратится в пыль...», – повторяют чеховские герои.

Персонаж И.С. Шмелева обнаруживает черты сходства с типом чеховского героя: Иван Степаныч в «Двух Иванах» наделен некоторыми чертами характера, напоминающими инженера Ананьева из «Огней». Их роднит интеллигентское происхождение, стремление сделать образованными и «научить мыслить» по-своему всех вокруг себя. Оба героя, отвергнув один тип мышления, приняли на его место другой, новую идею, возведя ее в ранг непогрешимой. Важнейшая смыслообразующая роль принадлежит мотиву одиночества и «блуждания» на жизненных путях (символические образы но-

---

¹⁴ Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – С. 41.

чи, потемок, обыгрываемые в обоих произведениях). В связи с этим и образная картина «огней», приобретает символический характер и воспринимается в религиозном ключе. Она воплощает в себе бесчисленное количество различных идей и мнений, продуцируемых человеческим сознанием, способных завладеть стремлениями человека и таящих в себе опасность духовного свойства. Как предупреждал Ф.М. Достоевский, возжеланная независимость и свобода человека, жаждущего самоопределения без Бога, обобщается «рабством у передовых идей». Именно в таком значении «перешел» чеховский образ «огней» в рассказ И.С. Шмелева.

Анализ рассказа И.С. Шмелева «Два Ивана» в сопоставлении с чеховской повестью «Огни» открывает дополнительные грани идейного содержания повести А.П. Чехова, высвечивает ее религиозно-значимый подтекст, открывая тем самым возможность ее художественно-религиозного восприятия.

Феномен «пасхальности», исследуемый в § 3 «Пасхальное сознание героя в изображении А.П. Чехова и И.С. Шмелева» на материале произведений «Святою ночью» А.П. Чехова, «Лихорадка» и «Свет Разума» И.С. Шмелева, позволяет выявить важнейшую доминанту творчества обоих писателей. Согласно концепции И.А. Есаулова, «пасхальное начало, доминирующее в православной духовной традиции» предполагает сумму определенных религиозных переживаний, связанных с различными событиями церковного года, но освещенных внутриприсущей им радостью праздника Христова Воскресения. Под «пасхальным» сознанием мы понимаем, вслед за исследователем, установку на такое восприятие мира, благодаря которому задается православно-христианский «горизонт ожидания... на целый церковный год, поскольку подвижный календарный годовой цикл (синаксарий) начинается днем Пасхи»¹⁵.

В трех избранных для анализа в данном разделе сюжетах сопоставляются художественные принципы воссоздания нравственно-психологической атмосферы главных событий церковного года, отмечаемых русской Церковью, – праздника Пасхи (в рассказах «Святою ночью» и «Лихорадка») и Рождества Христова (в рассказе «Свет Разума»). Особым значением обладает фон повествования, передающий эмоционально-психологическое состояние и духовные переживания действующего лица. Художественное родство текстов, композиционно организованных как диалоги и формирующих, в свою очередь, диалогичность их восприятия читателем, проявляет себя в комплексе взаимосвязанных мотивов, а объединяющим началом служит вечная идея

¹⁵ Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. – М.: Круг. 2004. С.10, 40.

«постижения духовной красоты, как она выражается, до восторга, народной душой», усмотренная И.С. Шмелевым у А.П. Чехова. Выделяются и анализируются наиболее значимые мотивы: онтологический мотив «ума-сердца», эмоционально-окрашенный мотив «беспокойства» и звуковой – церковного звона – воспринимаемые в комплексе.

В сопровождении «бархатного звона» льется незатейливый рассказ чеховского героя, Иеронима, об умершем друге, обладавшем «даром акафисты писать». Его характеристика дается в сопоставлении умственных и душевных человеческих качеств: «Добрая душа! Боже, какая добрая и милостивая! ... Ваше благородие, а ум какой светлый!» Герой Шмелева, дьякон, развивает в своем монологе мысль чеховского послушника, выражая ее в логически завершенной форме: «Высший Разум – Господь в сердцах человеческих. И не в едином, а купно со всеми. Это и это, – показал он на голову и на сердце, – но в согласовании неисповедимом. Как у Христа». Творческое единение двух художников проявилось в образном строе их рассказов, где «ум» вовсе не «противостоит», не противоречит «сердцу»: согласно благоговейному отзыву Иеронима об удивительно гармоничной личности отца Николая, «светлый ум» находится как раз в созвучии с ним. Таким образом, предлагая художественное решение проблемы соотношения «умственного» и «сердечного» начал, формирующих человеческую личность, А.П. Чехов, а вслед за ним И.С. Шмелев направляют читательскую мысль не в сторону углубления «противоречия» между данными категориями, а, наоборот, по пути восстановления гармонии между ними.

Как один из важных элементов художественного фона трех произведений рассматривается связанный с пасхальной радостью мотив «беспокойства», который является неотъемлемой составляющей изображения пасхального сознания героев. В связи с особым «беспокойным» мотивом впервые предпринимается попытка изучения «пасхальности» сознания в рождественском по сути рассказе И.С. Шмелева «Свет Разума». В итоге отмечается, что опыт изображения религиозного переживания главного праздника православного календаря – Пасхи – в произведениях И.С. Шмелева обнаруживает преемственные связи с чеховским художественным исследованием потаенных глубин человеческого сознания.

Вторая глава завершается общим выводом о том, что, благодаря размышлениям писателей о состоянии и судьбах русской интеллигенции, определилось одно из важнейших направлений «творческого диалога» И.С. Шмелева с А.П. Чеховым. Обращаясь к проблеме безверия интеллигенции, И.С. Шмелев прибегает к изображению духовных «странствий» своих

героев в духе и стиле чеховской образности, родственной А.П. Чехову проблематики и сюжетики, что нередко порождает, помимо диалогических отношений, эффект художественного «комментария».

Третья глава «Чеховские традиции в поэтике И.С. Шмелева» посвящена поэтике образа мира в творчестве А.П. Чехова и И.С. Шмелева и поэтике пейзажа, обладающего в творчестве писателей способностью передать тончайшие духовные переживания и движения души. Для анализа привлекаются произведения А.П. Чехова «Свирель», «По делам службы», «В овраге», «Степь», «Студент» и произведения И.С. Шмелева «В деревне», «Под небом», «На пенях», «Солнце мертвых», «Лето Господне» и некоторые другие.

В § 1 «Особенности психологизма А.П. Чехова и И.С. Шмелева» проведенное исследование позволяет выявить, во-первых, общее у И.С. Шмелева и А.П. Чехова в поэтике образа природы, тесно взаимосвязанного с образом человека, и, во-вторых, силу звучания «чеховского слова» в художественном мире И.С. Шмелева. Творческая установка И.С. Шмелева: с одной стороны, соблюдать правило обязательной включенности природо-описания в основное действие, «связанное... с душой человека», с другой – уделять неизменное внимание религиозным основам бытия этой души – позволила ему значительно углубить «психологический» подтекст пейзажа, выходя при этом далеко за рамки привычной реалистической литературной традиции. В творчестве писателя закрепляется тип одухотворенного, «божественного» пейзажа, который условно может быть назван «духовным», имея в виду особенности метода И.С. Шмелева – «духовного реализма» (А.М. Любомудров). Это пейзаж «радования» души. Эмоциональный фон такого пейзажа определяется достижением человеческой личностью гармонии единства чувственного и духовного переживания, слиянности земной человеческой радости и «радования» небесного. Подобный пейзаж, содержащий в себе мотив небесного «радования», является одним из основных структурных элементов духовного реализма Шмелева. Представляет научный интерес не только факт его повторяемости, но и принципы создания, и особенности такого пейзажа. В результате анализа выясняется, что углубление психологизма в онтологической картине мира И.С. Шмелева, отражающей религиозную реальность бытия в сознании героя, носит характер «диалогической» преемственности с А.П. Чеховым. Чеховедами было отмечено, что во многих произведениях Чехова, чья «антропологическая концепция направлена на выявление меры божественного в человеке, на раскрытие замысла Божьего о человеке», наблюдается такая организация пейзажа, при

которой он обретает «метафизический смысл как момент духовной встречи с Божественным» (Н.Ю. Грякалова). Это, на наш взгляд, во многом определяется обращением к традициям древнерусской литературы. Как показывает сравнительный анализ текстов «Свирели» А.П. Чехова и «Под небом» И.С. Шмелева, в их художественной структуре использован поэтический принцип «Шестоднева»¹⁶, где проблема «человек и природа» освещается с христианских позиций. В лирически-грустных размышлениях чеховского героя «о конце» и шмелевского героя о «проникновении в жизнь» присутствует отчетливая религиозная доминанта. Слитыми воедино оказываются мотивы радования о мире Божьем, его премудром устройстве, и подспудной тоски – «скорби» – человека от сознания его обреченности. Можно сказать, что мотив одухотворенности «творения» Божия – мира – заложен в самой поэтике шмелевского и чеховского пейзажа. Художественно-религиозная интерпретация И.С. Шмелевым чеховского рассказа «Свирель» акцентирует в нем тему не столько биологического, сколько онтологически-нерасторжимого единства человека и мира. Двухединый принцип изображения «земного» и «небесного», определяющий феномен «одухотворенного» («духовного») пейзажа выступает как важнейшая особенность психологизма прозы И.С. Шмелева и А.П. Чехова.

В § 2 «Функции пейзажа в прозе А.П. Чехова и И.С. Шмелева» предпринимается попытка рассмотрения произведений А.П. Чехова «Степь», «В овраге» в контексте их восприятия И.С. Шмелевым, которое отразилось в художественных образах романа «Солнце мертвых». В творчестве А.П. Чехова трагическая разобщенность, отъединенность человека от его жизненной основы – природы, играющей всеми красками бытия, – выглядит как симптом болезни, «уклонение» от естественного порядка вещей. Обнаруживается, что поэтика пейзажных полотен в эпохальном творении И.С. Шмелева продолжает чеховские традиции и связана диалогическими нитями с чеховскими принципами изображения. В частности, рассматривается символически важный образ «стонущей земли». Он соотносим не только с «поющей» разными голосами степью Чехова из рассказа «В овраге», но и со сложным символическим образом «плачущей травы» из повести «Степь». У Чехова степь «поет». У Шмелева – «земля стонет». Использование Шмелевым известного древнерусского образа оказывается связанным с обращением одновременно к опыту Чехова и опыту древнерусского книжника. Можно сказать, что «жаленье целого мира Божьего, сокрушение о Грехе-Зле», свойственное мировоззрению древнерусского писателя и отразившееся в чеховской

¹⁶ Никколаева С.Ю. А.П. Чехов и древнерусская культура. – Тверь: ТвГУ. 2001.

картине мира (С.Ю. Николаева), чрезвычайно близко и И.С. Шмелеву. Однако в шмелевском контексте «стон» земли приобретает черты гротеска, воскрешая и усиливая звучание древнего символа. Природа своей «жестяной холодностью» превосходит степень «равнодушия» чеховского пейзажа, и потому шмелевское противостояние человека и мира, с вытекающим из него мотивом одиночества, достигает наибольшей напряженности. В своем описании «безучастной» природы Шмелев пошел дальше Чехова, усугубив этот образ, наделив его элементами жестокости по отношению к человеку. В своем масштабном полотне Шмелев представил читательскому взору обыденную жизнь послереволюционного Крыма (времени «красного террора») – без прикрас, именно в ее обыденности, «как она есть», проявив как характерную черту собственной творческой манеры приверженность чеховскому реализму.

В заключение делается вывод о том, что, во-первых, тесно связанный с отражением религиозной реальности бытия пейзаж в произведениях И.С. Шмелева и А.П. Чехова обладает способностью передачи тончайших духовных переживаний и выполняет характерологическую функцию. И во-вторых, согласно интерпретации Шмелева, неразрывно связанный с состоянием действующего лица и основной мыслью произведения, пейзажный фон в прозе Чехова обладает свойством смыслопорождающего религиозного подтекста и может выполнять (как и у самого Шмелева) сюжетообразующую функцию.

В § 3 «Авторская позиция в произведениях А.П. Чехова и И.С. Шмелева» рассматривается один из способов выражения точки зрения автора у двух художников: и чеховский, и шмелевский повествователь наделены способностью «двойного» зрения и, соответственно, двустороннего знания о мире, – знания, добытого в процессе работы «проникновенного сердца», с одной стороны, и мирской логики, или «ума» человеческого, с другой. Делается вывод о том, что авторская позиция раскрывается не только в связи с «поисками смысла жизни» (И. Мелентьева), но и в непосредственной связи с религиозными исканиями, жаждой веры в Бога, присущей повествователям и героям Шмелева и Чехова.

Проведенный анализ показывает, что чеховские традиции изображения человека и мира имели существенное влияние на художественную манеру Шмелева. Это отразилось уже в раннем творчестве писателя («В деревне», «Под небом»). Как важный сюжетообразующий фактор, несущий большую смысловую нагрузку, рассматривается система лейтмотивов в текстах произведений Шмелева и Чехова, обнаруживающая явную общность. Дальнейшая разработка темы, на фоне новых исторических событий и потрясений в Рос-

сии, позволила Шмелеву в более зрелых произведениях («Солнце мертвых», «На пеньках», «Лето Господне») подняться до уровня масштабных обобщений, выраженных в символических, аллегорических, иногда гротескных образах, которые свидетельствуют о своей преемственной связи с чеховскими (образ птицы). При этом мотивы человеческого ограниченного «ума» и Божьего «разумения» («сердечного» знания), мотивы «Греха-Зла», отмеченные Шмелевым как доминантные в творчестве Чехова, выступают в произведениях самого Шмелева как основные сюжетообразующие факторы.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования и обозначаются перспективы дальнейшего изучения темы. Творческий диалог И.С. Шмелева, создававшего свою художественную концепцию воплощения духовной реальности, с традицией А.П. Чехова определен христианским, православным мироощущением обоих писателей. Возможность религиозного прочтения чеховского наследия и внутренняя убежденность И.С. Шмелева в духовно-религиозной содержательности чеховского творчества не только позволила ему почувствовать близкое внутреннее родство с любимым с детства писателем, но и стала главным «диалогизирующим» фактором, определившим характер его обращения к наследию А.П. Чехова. Сравнительный анализ проблематики, образной системы и поэтических принципов двух художников слова, направленных на изображение религиозных основ бытия и сознания, выявляет важные аспекты мировоззренческого и литературного родства писателей, органичную ориентацию чеховского «образа автора», каким его воспринял И.С. Шмелев, на воссоздание религиозной «нормы» христианского менталитета; позволяет сделать вывод о возможности и необходимости изучения вопроса о взаимодействии религиозных и художественных начал в художественном мире А.П. Чехова.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

1. Платонова О.А. В поисках света: «Два Ивана» И.С. Шмелева и «Огни» А.П. Чехова // Проблемы национального самосознания в русской литературе XX века. Сб. науч. трудов. – Тверь: Твер. гос. ун-т. – 2005. – С. 169-179.
2. Платонова О.А. И.С. Шмелев как издатель А.П. Чехова // Межкультурная коммуникация в современном славянском мире. Материалы первой международной научной конференции: В 2 т. – Тверь: ТУШ. – 2005. – Т. 1. – С. 213-216.
3. Платонова О.А. «В сердце колокола играют...» (Рассказ А.П. Чехова «Святой ночью» в художественном восприятии И.С. Шмелёва) // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: мате-

- риалы Второй Международной науч. конф. г. Волгоград, 24-26 апреля 2007 г.: В 2 т. – Волгоград: Изд-во ВолГУ. – 2007. – Т. 2. – С. 183-188.
4. Платонова О.А. И.С. Шмелев о «религии» А.П. Чехова // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы Второй Международной науч. конф., г. Волгоград, 24-26 апреля 2007 г.: В 2 т. – Волгоград: Изд-во ВолГУ. – 2007. – Т. 2. – С. 189-195.
  5. Платонова О.А. А.П. Чехов в творческом сознании И.С. Шмелева // Материалы Международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». – Ч. 1. – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева. – 2007. – С. 402-412.
  6. Платонова О.А. Традиции А.П. Чехова в прозе И.С. Шмелева (итоги и перспективы изучения) // Вестник Тверского государственного университета. – № 14 (42), 2007. Серия «Филология». – Выпуск 8. – 2007. – С. 147-149.
  7. Платонова О.А. Чеховские начала в прозе И.С. Шмелева (по рассказу И.С. Шмелева «Свет Разума») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – № 4. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – С. 187-190. *Издание рекомендовано ВАК РФ для публикации результатов диссертационных исследований.*
  8. Платонова О.А. Мир веры глазами ребенка в рассказах А.П. Чехова, В.А. Никифорова-Волгина, И.С. Шмелева // Детская литература и воспитание. Сб. тр. Междунар. науч. конф. 17-19 мая 2007 г. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. – С. 192 – 201.
  9. Платонова О.А. И.С. Шмелев о религиозной основе творчества А.П. Чехова // Святоотеческие традиции в русской литературе: сб. научных трудов / Отв. ред. В.В. Соломонова, С.А. Демченков. – Вып. IV. – Омск: Вариант-Омск, 2008. – С. 156-164.
  10. Платонова О.А. Чеховские сюжеты в рассказах И.С. Шмелева // Русская литература XX века: жанр, поэтика, традиции. К 30-летию деятельности кафедры новейшей русской литературы Тверского государственного университета. Сб. научных трудов. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. – С. 161-166.

Технический редактор Н.М. Петрив

Подписано в печать 19.05.2008. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ № 185.

Тверской государственный университет

Редакционно-издательское управление

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.

Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.

10-